

А. Ф. Белоусов

Поэзия провинциальности

Евгений Шешолин (1955–1990) – русский поэт, который не только жил «во глубине России», но и осознал себя оппонентом столичного истеблишмента. Об этом, в частности, свидетельствует написанное им в 1980-е гг. стихотворение «Родиться где-нибудь в провинции...». Оно начинается рассуждениями о последствиях провинциального происхождения: если в самой провинции главным считается хрупкость и нежизнеспособность провинциальных «провидцев», то с внешней точки зрения основное свойство провинциальной судьбы – ограниченность возможностей, неполноценность провинциалов, которым никогда не быть первыми и лучшими. Во второй части стихотворения Евгений Шешолин обращается к себе, к своему личному опыту, раскрывая тем самым специфику творчества провинциального поэта. Его сновидения и «вымыслы» оказываются связанными с древней поэтической традицией и представляют собой достойную альтернативу культуре современности, столь свойственному столичному «мейнстриму».

Ключевые слова: провинция, провинциальность, поэзия провинциальности

Alexandr F. Belousov

The Poetry of the Provinciality

Eugene Shesholin (1955–1990) was a Russian poet who not just lived «in the depths of Russia», but also saw himself as an opponent of the capital-based establishment. In particular, this attitude can be seen in his poem «To be born somewhere in the province...» written at some point in the 1980's. The poem begins with reflections on the implications of one's provincial origin: while, in the eyes of province inhabitants themselves, the main qualities attributed to provincial «visionaries» are fragility and poor sustainability, from the external point of view, the main features of provincials' fate are limited capacities and inadequacy, depriving them of an opportunity to ever find themselves among the first and the best. In the second part of the poem, Eugene Shesholin looks at his own personal experience, revealing the specificity of a provincial poet's art. His dreams and «fictions» are being linked to the ancient poetic tradition, presenting a decent alternative to the cult of modernity, characteristic of the capital-based mainstream.

Keywords: province, provincialism, poetry provinciality

Имя Евгения Шешолина мало известно широкой читательской аудитории. Объясняется это целым рядом причин, среди которых особо следует отметить провинциальность поэта: он прожил практически всю свою жизнь вдали от столичного «шума» и «словесной войны». Евгений Шешолин не был связан с литературным истеблишментом, что в значительной степени предопределило судьбу его поэтического наследия.

Его немного знают только в тех местах, где он жил. Время от времени здесь издаются книги его стихов¹, а некоторое время тому назад даже появился посвященный ему сборник статей и материалов². Однако столичные знатоки и любители поэзии не проявляют особого интереса к его творчеству. Характерный пример: недавно вышедшая в Петербурге громадная антология «Русские стихи 1950–2000 гг.», где представлены тексты шестисот поэтов, содержит всего лишь два юношеских стихотворения поэта³.

Попробуем разобраться в этой ситуации.

Начнем с биографии поэта.

Он родился в 1955 г. в одном латвийском городе – Краславе, а вырос в другом – в Резекне. Окончив школу, Евгений Шешолин уехал учиться в Ленинград. Однако атмосфера и быт огромного мегаполиса оказались непривычными для молодого провинциала, который уже через год бросает Ленинградский политехнический институт и перебирается в Псков, где поступает на естественный факультет Псковского педагогического института. Отработав после окончания института два года учителем в Невельском районе Псковской области, Евгений Шешолин возвращается в Псков. Он любил этот город, который вполне соответствовал его жизненному опыту:

Ах, этот город, захолюстье!

На взгляд один, на взмах руки...⁴

Вернувшись в Псков, Евгений Шешолин провел здесь последние десять лет своей жизни. Его жизнь оборвалась неподалеку от родных мест поэта – в Даугавпилсе. Это произошло весной 1990 г. Евгений Шешолин немного не дожил до

35 лет – возраста, который Данте считал вершиной человеческой жизни.

Обращаясь к читателям машинописного «Избранного», подготовленного им в 1985 г., Евгений Шешолин вспоминал: «Писать я начал поздно, – семнадцати лет, – в 73 году...». Это началось после отъезда в Ленинград. Его ностальгия по детству и Резекне была столь сильна, что стала мощным творческим импульсом. Об этом свидетельствует самое первое стихотворение поэта «Вспомнил я деревенскую улицу...». Вспоминается двор дома на окраине Резекне, в котором Шешолины поселились после переезда из Краславы. Любопытно, что этот домик, где прошли первые десять лет его жизни, еще не раз появится в стихах поэта, в то время как последующие места жительства остались за рамками его поэзии. Изображая маленький дом, который до сих пор стоит на улице Кришьяна Барона, Евгений Шешолин подчеркивал, что он вырос на городской окраине, почти в деревенской обстановке. Это играло важную роль в его поэтической биографии:

Я рос в местах не столь запыленных,
не любил смотреть
на надрынную работу экскаватора;
тычинки колокольчиков
стучат из моего детства.

Лирические картинки детства постепенно становятся разнообразнее и содержательнее. Очень скоро в них появляется мать, с которой поэта всю жизнь связывали взаимопонимание и нежная дружба. А в дальнейшем он уже не ограничивается родным домом: его привлекают городские достопримечательности. От ностальгических воспоминаний Евгений Шешолин переходит к поэтическому осмыслению окружающего мира. Его образ Резекне – это образ города, в котором поэт получил первые уроки любви, человечности и красоты. Особо следует отметить его стихи, посвященные резекненским кладбищам, и в первую очередь – цикл «Еврейское кладбище», который представляет собой замечательный пример «истинно-человеческой поэзии» (как определил суть «Сельского кладбища» В. А. Жуковского философ Владимир Соловьев).

Вскоре вслед за Резекне в поэтическом мире Евгения Шешолина появляются «городок игрушечный» Краслава, Рига, Ленинград/Петербург, Псков... Его поэтический мир поражает своей масштабностью: он охватывает огромную территорию и большой отрезок мировой истории. Этому способствовали исторические «фантазии» поэта, который с удивительной проницательностью и завидным знанием дела изо-

бразил несколько десятков эпизодов из далекого прошлого человечества (от первобытного общества – до античности и от индейских государств Америки – до древнейших цивилизаций Ближнего Востока). Между тем его странствия не ограничивались путешествиями во времени. Евгений Шешолин был легок на подъем и любил бродяжничать. Особенно плодотворными были его поездки в Армению и в Среднюю Азию, благодаря которым появились целые «тетради» стихов. Он вырос на Западе, но отцовский, «степной корень» тянул его на Восток. Характерно, что именно путешествию на Восток посвящено одно из лучших произведений поэта – стихотворение «Перегон»⁵.

Евгений Шешолин не ограничился поэтическими зарисовками Самарканда или Ферганской долины. Он создал сборник стихотворений, написанных древнеперсидскими формами стиха. Еще ни одному из русских поэтов, среди которых были не только интересовавшиеся творчеством Хафиза или Хайяма, но даже владевшие их стиховыми формами, не приходило в голову создать свой «диван», как назывались на мусульманском Востоке составленные по определенному канону сборники стихотворений одного поэта. Евгений Шешолин начал работать над своим «Северным Диваном» (или «Первым Северным Диваном») вовсе не для того, чтобы просто продемонстрировать профессионализм и поэтическую культуру. Его стихи все более и более насыщались изощренной ассоциативностью и метафоричностью образов, столь характерной для современной поэзии, и он искал для них соответствующую форму выражения. Одним из решений и было обращение к жанрам древнеперсидской поэзии. Оценив их возможности, поэт постарался, по его словам, «вдохнуть жизнь в старые, прекрасные формы». Это свидетельствует о его особом отношении к древневосточной поэтической культуре: западный культ новизны отступает перед восточной приверженностью к традиции.

Однако главное место на поэтической «карте» Евгения Шешолина занимает «северный <...> край», как поэт именуется по старой памяти Россию⁶, с которой он связал свою жизнь. Есть у него пара текстов о Москве, небольшая «тетрадь» стихотворений посвящена Ленинграду/Петербургу, но гораздо чаще в его стихах появляется Псковщина и прежде всего сам Псков. Евгений Шешолин любил гулять по городу и оставил множество поэтических зарисовок Пскова. Его особенно привлекали тихие переулки Запсковья, которые напоминали родную резекненскую окраину. А рядом с этими переулками возникает историческая достопримечательность:

Гремячая башня, осенний плен,
бредет переулок вдоль гнутой стены;
глаза варяжским обручем стен
десятый год уж как пленены.
Открывается вид
на волшебный при закате
величаво-грубый Кром.

И постепенно складывается поэтический образ старинного города, в котором «полудеревенские» пейзажи соседствуют с изображением культурных древностей. Однако отражается и другой, современный Псков с фабричными трубами, что «дымят и дымят в высоту», с «тропой Металлистов над сточной рекой» и убогими «микрорайонами», застроенными одинаковыми домами-«коробками». Этот город порожден советской эпохой, от дикости и агрессивности которой страдает старинный Псков: разоряются его «церковки-царицы». Однажды поэт даже назвал Псков «северными Помпеями», приравняв Октябрьскую революцию к извержению вулкана, разрушившего античный город. Остается лишь уповать на святых предстоятелей и заступников за Псков и за всю землю Псковскую. Евгению Шешолину принадлежит стихотворение редкой выразительности и проникновенности – «Псковские вирши»: оно представляет собой поэтический синодик псковских святых, которых поминает, которым молится и на которых надеется поэт, обещая воплотить их заветы в своей поэзии:

Да сможет блеснуть, как сталь озера, стих мой,
клинком Александра воспламенится голос,
в сердце да сохраню Досифея покой!⁷

Изображая какой-либо конкретный город, Евгений Шешолин очень редко типизирует его в плане столичности / провинциальности. Лишь одна деталь в описании «города детства» Резекне, например, определяется им как «провинциальная». Характерно, что это – памятник Ленина, который был поставлен довольно поздно, уже на памяти поэта – в 1965 г., когда страну захлестывала очередная волна всеобщей унификации. Есть своя «провинция» и в Пскове:

далеко на севере
в глухой провинции
на улице Крупской
глубокой осенью
над домом в котором
жить невозможно
самый красивый клен
1986

Однако выражение «глухая провинция» имеет здесь явно иронический смысл. Евгений Шешолин ни разу в своих стихах не назвал «провинцией» или «провинциальным» Псков, хотя прекрасно понимал и время от времени остро чувствовал его «провинциализм»⁸. Любимый город мог показаться «захолустьем», оставаясь при этом замечательным и очаровательным: «Тысячелетье. Захолустье...», но – не «провинцией», потому что поэт Евгений Шешолин воспринимал слово «провинция» как **чужое** слово, выражавшее неприемлемую для него точку зрения.

Об этом свидетельствует написанное им в 1980-е гг. стихотворение «Родиться где-нибудь в провинции...», в котором поэт открыто полемизирует с представлениями о «провинции» и «провинциалах», навязываемыми столичными людьми⁹:

Родиться где-нибудь в провинции,
где местность как-то не рифмуется;
и здесь рождаются провидцами,
но тают на осенних улицах.
Родиться где-нибудь в провинции
и там отбить глухую карму... –
Ведь не подняться выше «вице-»,
как под сосной глухой кустарник.
Я с полудеревенской пожни, –
такие не выходят в люди;
меня сорвать легко и можно, –
ну что поделаешь, я – лютик.
Мои деревья – меценаты,
и гонорар мой нищий – лето.
Приснившегося халифата
я за придворного поэта.
Букетом странных моих вымыслов
к конвейеру привьюсь навряд ли.
Я ветром гнут, я снова выпрямлюсь, –
ну что поделаешь, я – мятлик.
Мне век не выразить, пропащему, –
эмир, давно истлевший, белая
сирень – коронные заказчики,
и ничего тут не поделаешь.

Оно построено как логическое рассуждение и представляет собой любопытный пример поэтической дедукции. В первых двух строках «формулируются» следствия провинциального происхождения: если «здесь», в самой провинции, главным считается хрупкость и нежизнеспособность провинциальных «провидцев», то с внешней точки зрения основное свойство провинциальной судьбы – ограниченность возможностей, неполноценность провинциалов, которым никогда не быть первыми и лучшими. А далее, когда нарочитую безличность начала

стихотворения, заданную инфинитивной конструкцией «Родиться где-нибудь в провинции», сменяет авторский монолог о самом себе, поэт от определения общей для всех провинциалов участи переходит к характеристике своей личной судьбы.

Вначале подчеркивается то общее, что роднит его с другими провинциалами. Очевидно, что третья строфа логически связана с предшествующими, заключая в себе вывод о закономерности и типичности авторской судьбы: ему не только не суждено занять высокое положение в обществе (ср.: «не подняться выше „вице-“»), но даже само его существование весьма проблематично и в любой момент может оборваться (вспомним провинциальных «провидцев» из первой строфы, о которых говорится, что они «тают» на «осенних улицах»).

Если в первых трех строфах речь шла об общих «законах» провинциальной судьбы, которым подвержен и наш поэт, то во второй половине стихотворения на первый план выходит своеобразие его индивидуального бытия. Обратим внимание на то, как связан с природой человек, отождествляющий себя с растениями («я – лютик»; «я – мятлик»), и насколько он далек от окружающей его социальной действительности, живя в мире сновидений и воображения. Его царство – не от мира сего. Он далек от современной цивилизации («к конвейеру привьюсь навряд ли»). Именно поэтому поэт иронизирует над господствующим в современном обществе представлением о том, что литература должна выражать дух времени («мне век не выразить, пропащему...»). Он способен писать лишь о вечном и вечных ценностях. Любопытно, что это объясняется отнюдь не его свободным выбором, а опять-таки – судьбой, которую поэт не может изменить и с которой он вынужден мириться. Однако в отличие от безлично-родовой составляющей в судьбе всех тех, кому выпало «родиться где-нибудь в провинции», индивидуальная судьба поэта не столь отчуждена от конкретной человеческой жизни. Очень показателен в этом плане обобщенно-личный характер вводной конструкции, завершающей стихотворение («и ничего тут не поделаешь»).

А главное – его поэтическое творчество обусловлено вполне определенными «заказчиками». Экзотичность этих «заказчиков» объясняет и своеобразие стихотворения, которое проявляется даже в самой его фактуре: написанное расхожим четырехстопным ямбом, оно звучит особым образом, благодаря необычным для четырехстопного ямба ритмическим окончаниям (клаузулам). Это – прежде всего сплошные дактилические клаузулы первой и последней строф:

провинции / провидцами; рифмуется / улицах; пропащему / заказчики; белая / поделаешь. Однако они лишь часть кольцевой композиции стихотворения: от дактилических клаузул в первой строфе поэт постепенно переходит к женским клаузулам в третьей и четвертой строфах и столь же последовательно возвращается к дактилическим клаузулам в последней строфе. Его начало и конец связаны темой судьбы: провинциальное происхождение соотносится с предназначением поэта.

Инфинитивные пассажи стихотворения «Родиться где-нибудь в провинции...» связывают его с поэтической традицией «инфинитивного письма», о которой в последнее время много пишет А. К. Жолковский. «Инфинитивным письмом» он называет тексты, содержащие абсолютные инфинитивы, к которым относятся и те, что использовал в первых двух строфах своего стихотворения Евгений Шешолин. Исходя из наблюдений над «инфинитивным письмом», исследователь определяет его «семантический ореол», который поначалу формулировался им как «медитация об альтернативном жизненном пути»¹⁰, а затем – как «медитация о виртуальном/ином/сущностном бытии»¹¹. Очевидно, что все это имеет самое непосредственное отношение к стихотворению «Родиться где-нибудь в провинции...», в котором рассуждение о «виртуальном» феномене провинции сменяется утверждением альтернативного пути поэта-провинциала. Отказ от «инфинитивного письма» в авторском монологе поэта отражает его особую позицию. Это – позиция человека, для которого провинция – не виртуальное «там», а реальность его существования. Однако в то же время образ жизни провинциального поэта, представленный в стихотворении «Родиться где-нибудь в провинции...», имеет много общего с «возвышенным, идеальным, в частности, творческим вариантом собственного хабитуса», который иногда возникает в виртуальной реальности, создаваемой «инфинитивным письмом»¹². Его «сон» и «вымыслы» свидетельствуют о действительном творческом потенциале провинциальной поэзии.

Естественно, что для поэта, который не озабочен тем, как бы ему «выйти в люди», и скептически относится к столичному мейнстриму, провинция отнюдь не является помехой его творчеству. Отдаление от центральных «магистралей» вообще характерно для Евгения Шешолина, чья «тропа от шоссе давно откололась» и который предпочитал «выискывать выжившие лужайки... обочин» своего «страшного века». Его место – на «обочине» и даже «у краин глухих бытия»:

Вот я,
у окраин глухих бытия,
загнан, как пес, под забор,
а во мне
проступает извечный звездный узор,
и душа поет в ледяном огне.

Это отразилось и в самом творчестве Евгения Шешолина. Он сознательно ориентировался на далеко не современные стиховые формы и мало популярные поэтические традиции. Его поэзия включает в себе прямой вызов современности и предсказывает поворот, возвращение к каноническому искусству далекого прошлого.

Примечания

¹ См.: Шешолин Е. Измарагд со дна Великой: 100 избр. стихотворений / сост. М. Андреев. Псков, 1999; Шешолин Е. Солнце не вечное / сост. А. Белоусов, Г. Шешолина. Резекне, 2005.

² См.: Евгений Шешолин: судьба и творчество / под ред. А. Ф. Белоусова и Ф. П. Федорова. Даугавпилс, 2005.

³ См.: Русские стихи: 1950–2000 гг.: в 2 т.: антология (первое приближение) / сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. СПб.: Летний сад, 2010. Т. 2. С. 520. При этом в примечаниях дается не только краткая биография поэта, но и указываются оба сборника его стихотворений (с. 867).

⁴ Это стихотворение стоит привести целиком. Оно имеет самое непосредственное отношение к нашей теме:

Ах, этот город, захоlustье!
На взгляд один, на взмах руки!
Предчувствие большого устья
ленивой северной реки.
А там, где серые заборы,
и ночью не видать ни зги,
я слышу наши разговоры
и чувствую твои шаги.

По берегу, по тропке древней
пойдем, считая купола.
Какая странная деревня
нас окружала и вела...
Тысячелетье. Захолустье.
Две тучки в небе ледяном,
моей пронизанные грустью.
Предчувствие тебя во всем.
1979

⁵ См.: Шешолин Е. Солнце не вечное. С. 123–124.

⁶ См.: Boele O. The North in Russian Romantic Literature. Amsterdam; Atlanta, 1996.

⁷ Шешолин Е. Солнце не вечное. С. 92. Упоминаются св. Александр Невский (ок. 1220 – 1263), освободивший в марте 1242 г. Псков от немецких захватчиков и 5 апреля разгромивший их в Ледовом побоище на Чудском озере, и св. Досифей – основатель Петропавловского Верхнеостровского монастыря на Псковском озере (†1482).

⁸ «Как забодал провинциализм! – писал он своему другу Артему Тасалову 16 октября 1980 г., – при всей моей глубокой и нежной любви к Пскову». Ср. его сетования на «болезненную камерность, точнее сектантство этого города» в письме Артему Тасалову от 7 июля 1985 г. См.: Письма Евгения Шешолина Артему Тасалову // Евгений Шешолин: Судьба и творчество. С. 25, 39.

⁹ Особенно характерно в этом плане использование здесь неопределенного наречия «где-нибудь», означающего любое, безразлично какое место. См.: Белоусов А. Ф. Символика захоlustья (обозначение российского провинциального города) // Геопанорама русской культуры: провинция и ее локальные тексты. М., 2004. С. 463.

¹⁰ Жолковский А. К. Бродский и инфинитивное письмо: (материалы к теме) // Новое лит. обозрение. 2000. № 5 (45). С. 188.

¹¹ Жолковский А. К., Смирнов И. С. Русское инфинитивное письмо и китайская классическая поэзия // Лотмановский сб. М., 2004. Сб. 3. С. 677.

¹² Там же.